

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Индивидуализм и Коммунизм в Анархизме

Эррико Малатеста

1 июля 1924

Саверио Мерлино пишет в первом номере этого журнала¹: «Анархисты всегда страдали и остались бессильными вследствие разногласия, никогда не прекращавшегося в их среде между индивидуалистами и коммунистами, которые так же далеки друг от друга, как северный полюс от южного, и сходятся лишь в одном пункте: в ненависти к парламентаризму».

По моему мнению, Мерлино преувеличивает, приписывая бессилие анархистов разногласиям между коммунистами и индивидуалистами. Когда случаи оказывались

Эррико Малатеста
Индивидуализм и Коммунизм в Анархизме
1 июля 1924

Pensiero e Volontà Год 1-й, №13

ru.anarchistlibraries.net

¹ Саверио Мерлино (1858-1930) был современником Малатесты, и они оставались друзьями до самой смерти Мерлино в 1930, несмотря на то, что он уже много лет назад перестал называть себя анархистом и стал своего рода социал-демократом, который, как пишет Малатеста в некрологе о своем друге, «в своих намерениях и надеждах стремился объединить все передовые партии и группы», в том числе и анархистов, хотя он и заявлял о своей поддержке парламентских выборов и, по словам Малатесты, «вступил в неаполитанскую секцию Социалистической партии».

благоприятными для действия и, главным образом, когда хотели и могли сделать что-либо практическое, забыв о разногласиях, коммунисты и индивидуалисты (я говорю, конечно, о тех, кто были действительно анархистами и, следовательно, верными принципу «ни господ, ни рабов») снова боролись бок-о-бок. Бессилие анархистов зависело от множества других причин, особенно от отсутствия немедленно годной к применению практической программы, за исключением, конечно, тех общих обстоятельств, среди которых они были вынуждены действовать. Иными словами, дело заключается в том, что они смотрели на идеал, опережая этим своё время, и поэтому, вместо того чтобы воплощать свои идеи в жизнь, считали себя обязанными своим апостольством приблизить тот час, когда осуществление станет возможным.

Мерлино еще преувеличивает, когда пишет, что идеи коммунистов и идеи индивидуалистов (я все время говорю, конечно, об анархистах искренних и сознательных) диаметрально противоположны: так могло бы показаться, если принять литературные и «философские» уклоны некоторых лиц всерьез; но на самом деле речь идет, чаще всего, о словесных недоразумениях.

Анархический индивидуализм потерпел несчастье излагаться часто лицами, которым не доставало какого бы то ни было анархического чувства: буржуазными литераторами, желавшими при посредстве парадоксов привлечь к себе внимание, чтобы иметь возможность с подобием успеха вступить в лоно официальной литературы; полуграмотными и полунеграмотными, которые хотели *произвести впечатление*; большими, которым чтение непонятной литературы повредило рассудок; наконец, и хуже всего, злодеями более образованными, и чтобы точнее выразиться, смышленными, чем обычные преступники, чувствовавшими необходимость оправдать свои преступления тео-

рией; в Италии эти последние, главным образом, кончали фашизмом. Буржуазия, правительство и различные политические партии пользовались этими заблуждениями, чтобы клеветать на анархизм и слишком часто им удавалось вредить нам и дискредитировать нас в глазах масс. Недоразумения и личные вопросы срывали дискуссии и часто приводили к расколам даже среди самих анархистов. Но все это не мешает тому, чтобы в своем существе, то есть в своих моральных движущих силах и в своих окончательных целях, анархизм индивидуалистический и коммунистический не были бы одним и тем же или почти одним и тем же.

Я настоятельно рекомендую прочесть книгу Армана «Введение в анархо-индивидуализм»², которая скоро выйдет в переводе на итальянский язык, сделанным товарищем Меникони (*смотреть в конце этого номера журнала*). Это – важная и добросовестная книга, написанная одним из наиболее признанных среди анархо-индивидуалистов писателем, получившим среди них общее одобрение. И что же мы видим? Читая этот труд, спрашиваешь себя почему Арман говорит постоянно об анархическом индивидуализме, как об особой доктрине, в то время, как он только то и делает, что излагает принципы общие для всех анархистов, каково бы ни было их направление. Арман, любящий называть себя аморалистом, на самом деле написал нечто вроде руководства по анархической морали – нисколько не «анархо-индивидуалистической», а анархической вообще. Даже более того, не просто по анархической морали, а по морали общечеловеческой, так как она основана на человеческих чувствах, делающих анархизм желанным и возможным.

² Э. Арман (1872-1962) – анархо-индивидуалист, долгое время был редактором индивидуалистического журнала «L'En Dehors».

Однако, сделав целый ряд оговорок по поводу сказанного Мерлино, приходится все же признать справедливым, что существование среди анархистов меньшинства, именующего себя индивидуалистами, является постоянной причиной разногласий и разобщения.

Теперь, когда среди анархистов кипит умственная подготовка к грядущему осуществлению их идей, – стоит вновь рассмотреть этот вопрос спокойно и без абсолютных предубеждений.

Я сделаю это кратко с моей точки зрения, как коммуниста или *ассоциациониста*, а другой сделает, если захочет, с точки зрения индивидуалиста.

(Я употребляю слово «ассоциационист» как синоним к слову «коммунист» не из-за желания плодить лишнюю терминологию, а из-за моего предположения, что анархо-коммунисты начнут постепенно отказываться от названия «коммунист» по причине того, что оно дискредитировано и стало двусмысленным благодаря русскому «коммунистическому» деспотизму. Если так и случится, мы получим повторение истории со словом «социалист». Мы, будучи, по крайней мере в Италии, первыми провозвестниками социализма, претендовавшими и претендующими и сейчас быть истинными социалистами в широком и человеческом смысле этого слова, в конце концов отказались от этого наименования во избежание всякого смешения с многочисленными буржуазными и авторитарными вырождениями социализма. Так же, как и со словом «социалист», мы можем отказаться от названия «коммунист», опасаясь увидеть наш идеал свободного человеческого братства смешанным с отвратительным деспотизмом, который восторжествовал в России на известное время и который одна партия, вдохновленная русским примером, хотела бы

только возможно³. А в остальном доверимся свободе, которая всегда остается нашей целью и средством человеческого прогресса⁴.

³ В первоначальном русском переводе фраза заканчивалась так: «показывая коммунизм как пример практики и используя опыт его применения для жизни всего общества». Этих слов нет в оригинале.

⁴ Комментарии от переводчика на русский из журнала «Волна», ежемесячного органа Федерации анархо-коммунистических групп, №58, октябрь 1924, с. 5-7:

Должен искренне сознаться, что статья Малатесты меня очень смущает своей недоговоренностью, некоторой – весьма вредной – расплывчатостью. Затронут же им вопрос чрезвычайно интересный, высказаны им несколько интересных мыслей, но не хватает **главного: вывода**.

И еще: Малатеста утверждает вполне правильно, с моей точки зрения, что бессилие анархистов зависело и «от отсутствия немедленно годной к примирению практической программы». Казалось бы, эту мысль жизненно необходимо развить, углубить и растолковать. Но Малатеста, извиняюсь за выражение, как бы испугался своей собственной храбрости. Он как бы замял вопрос... Мне далеко, признаться, не ясно, что он думает, когда говорит в конце статьи: «А в остальном доверимся свободе, которая всегда остается нашей целью и средством человеческого прогресса». Пожалуй, красиво сказано, но... не ясно.

навязать всем странам. Тогда явилась бы, возможно, необходимость в другом названии, служащем для различия нас. Таким наименованием могло бы быть «ассоциационисты» или «социетаристы», «общественники» или всякое другое слово подобного же рода. Хотя, на мой взгляд, употребление слова «анархист» должно быть достаточным для обозначения наших взглядов).

Прежде всего отбросим одно распространенное заблуждение, которое лежит в основе всей этой путаницы.

Индивидуалисты предполагают – или говорят так, как если бы предполагали, – что коммунисты (анархисты) хотят навязать коммунизм, что, естественно, поставило бы их совершенно вне анархизма.

Коммунисты предполагают или утверждают так, словно они предполагают, что индивидуалисты (анархисты) отвергают всякую идею объединения, желают борьбы человека с человеком и господства более сильного (были такие, кто во имя индивидуализма отстаивал эти идеи и похуже, но их нельзя назвать анархистами), что поставило бы их не только вне рамок анархизма, но и вне человечности.

На самом деле коммунисты видят в свободно принятом коммунизме следствие братства и лучшую гарантию личной свободы. А индивидуалисты, те среди них, кто действительно являются анархистами, считают себя антикоммунистами, так как они боятся, чтобы коммунизм не подчинил личность номинально тирании коллектива, которая в действительности тирании партии или касты, сумевшей, под предлогом управления, захватить власть и распоряжаться ресурсами и средствами, а следовательно, и людьми, которым эти ресурсы и средства необходимы для жизни. Вот почему они хотят, чтобы каждая личность и группа могли свободно заниматься своей деятельностью и свободно

собирают плоды их труда в условиях равенства с другими личностями и группами, сохраняя с ними справедливые отношения.

Если это так, то становится ясно, что существенной разницы нет.

Только, согласно коммунистам, справедливость по природе своей не осуществима в индивидуалистическом строе, а следовательно, и свобода. Равно невозможно достичь справедливости в самом начале – при положении вещей, в котором каждый человек, рождаясь, находился бы в тех же самых равных условиях развития, с доступными всем средствами производства и мог бы самореализовываться в обществе более или менее удовлетворительно, наслаждаясь более или менее полноценной и счастливой жизнью в соответствии со своими способностями и стремлениями.

Если бы весь земной шар находился в равных климатических условиях, если бы почва была повсюду равно плодородна, если бы сырой материал был повсюду распределен и находился бы под рукой, если бы работа прошлых поколений поставила бы все страны в равные условия, если бы народонаселение было бы одинаково распределено на поверхности обитаемой земли, можно было бы понять, что всякий (личность или группа) нашел бы землю, инструменты и сырой материал, чтобы независимо ото всех работать и производить, никого не эксплуатируя и не будучи эксплуатируемым. Но условия, созданные природой и историей таковы, что нельзя себе представить, как установить равенство и справедливость между тем, кто получит бесплодный кусок земли, требующий много труда при скудном сборе, и тем, кому попадет плодородный, удобно расположенный участок; или между жителем хижины, затерянной в горах или болотах, и жителем города,

обогащенного множеством поколений всеми произведениями культуры и человеческой деятельности.

С другой стороны, возможно ли установить теперь же коммунизм, как основу общественной жизни? Был ли бы он принят людьми, воспитанными на истории, полной борьбы между народами, классами, личностями, где каждый должен был думать о себе, чтобы устоять и не быть раздавленным другими? И при теперешнем состоянии общественной морали не привело бы это эксплуатации лучших и честных худшими и бесчестными? И даже если предположить, что люди захотели бы коммунизм, то как применить его в настоящее время на обширной территории всего мира или даже одной страны без того, чтобы не создать ужасного централизма и не очутиться в лапах многоголовой и неизбежно невежественной и угнетательской бюрократии?

Из всего только что сказанного и всего, что можно было бы еще сказать, я заключаю (так же, как и заключали всегда истинные анархисты), что не следует рассматривать желания и стремления как незыблемые догмы, вне которых нет спасения.

Коммунизм – наш идеал.

Мы коммунисты, поскольку коммунизм представляется нам наилучшим способом общественной жизни, таким, при котором может полностью осуществиться человеческое братство, любовь и производительность человеческих усилий в деле завоевания природных благ. Вот почему мы должны пропагандировать принцип коммунизма, применять его повсюду и во всех видах деятельности, где это